

Борис ЛИХТЕНФЕЛЬД

Борис Лихтенфельд родился в 1950 году, живет в С.-Петербурге. Публиковался в журналах «Обводный канал», «Часы», «Арион», «Волга», «Звезда», «Крещатик», «Нева», «Зинзивер», «Дети Ра», «Слово/Word», «Новый журнал», антологиях художника Валентина Левитина «В Петербурге мы сойдемся снова...», «Петербургская поэтическая формация» и др. Автор книг «Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда» (2000), «Метазой» (2011), «Одно и то же» (2017).

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ РИМСКОЙ ИСТОРИИ

1.

Был ли Германик отравлен Гнеем Пизоном?
Что знал об этом его начальник Тиберий?
Дальним не так уж правда нужна гарнизонам.
Гнев не вскипит в сердцах, удручённых потерей.

Сгинет Тиберий, Калигулу сменит Клавдий...
Будет ещё Британик отравлен Нероном.
Если история столь равнодушна к правде,
Рим или мир погибнет, уже всё равно нам.

Пусть наступают варвары! Время такое,
что остаётся, как будто не замечая
спазмов его, в каком-то предвечном покое
чай попивать пресловутый... Как же без чая?

2.

Если у Рима Иерусалим
с краю сознания жил,
многожды был осаждён и палим,
чтоб не вытягивал жил —

значит, какую-то силу и в нём
Рим-исполин признавал,
значит, подсвечен был тайным огнём
и государства развал,

значит, тогда, при Нероне, не зря
из отдалённой земли
в Рим как послы не земного Царя
Павел с Петром забрели —

чтобы из Рима отправиться в путь
не к иудейским горам,
чтоб в той земле пережил их чуть-чуть
Титом разрушенный храм...

3.

В Риме – мор. Припомним историю, одну из её страниц.
Сенат убеждает граждан: вы можете только сами
умилостивить богов! И вот распростёртые ниц
матроны метут полы в святилищах волосами.

Чуть отступает чума, государство крепнет. Война
приходит на смену мору. Какие-то эквы и вольски
терзают Город. Подступает вторая волна
эпидемии. Смута зреет среди плебеев и в войске.

Смутна история эта – будто война и мор
соревнуются в причинённом ущербе-уроне.
Ходят-бродят разные смерти, вылезаящие из нор...
Трепещет жизнь, ещё не готовая к обороне.

4.

И Вечный Город погибал не раз –
от галлов, мора, голода, пожара,
и внутренний раздор порою тряс,
и чья, все знали, кара поражала.

Волчица обнажала свой оскал,
оберегая от невзгод и козней,
и корень старый новые пускал
побеги – всё пышней и плодоносней.

Не так же ли живуч, необорим
(надежду аналогией подкормим)
и этот наш злосчастный Третий Рим,
что варварским напором вырван с корнем?

5.

От мороза в горах погибала
карфагенская дикая рать.
Боевые слоны Ганнибала
по ущелью плелись умирать.

Но нашествие всё ж продолжалось...
Боги, мир тот встряхнув до основ,
проявившие к римлянам жалость,
вражьих не пощадили слонов.

Описал переправу историк,
бурю в Альпах... Слоновий удел
был и впрямь, как мы видели, горек:
вроде только один уцелел.

Тут история вспомнилась наша
в произвольном её монтаже –

и пустая какая-то каша
в голове заварилась уже.

Альпы – это, конечно, Суворов,
то есть Суриков (Русский музей)...
А слонов одомашненный норв
превращает их в добрых друзей.

Так же вот (и не раз!) от угрозы
была родина их спасена.
Так же вот помогали морозы –
и врагов изгоняла она...

Так же вот и поднесь её тянет
расширять сумасбродство своё.
Так же вот и соседям житья нет
от опасных замашек её.

Не хватает ей лишь ауспий –
тайных знаков, увы, не прочтёт!
Всё неймётся бедняжке, не спится
под слонов нескончаемый счёт.

6.

Подстроенные кораблекрушения
у римлян были оправдать должны
экономические правонарушения
с растратой государственной казны.

Корабль, дешёвым барахлом загруженный,
в открытом море экипаж топил
и возвращался в лодках, чтоб заслуженный
куш получить от тех, кто всё купил.

А в те же времена под Сиракузами
носы вздымались римских кораблей
посредством рычагов с противогрузами –
колодезных подобья журавлей.

Грек Архимед едва ли знал Постумия,
чья алчность отпечаталась в веках.
Не с тех ли пор плоды их хитроумия
исправно в наших действуют руках?

7.

Роковое безумие времени
обличает один из вождей
илергетов, испанского племени,
как причину измены своей,

ждёт пощады от великодушного
Сципиона, к коленям его
припадает: прости, мол, недужного,
доброй славы умножь торжество!

И возмездие вмиг обеззубело:
перед Роком мы все не вольны.
Ну а время и впрямь обезумело,
очумев от видений войны.

8.

Открывая Истмийские игры в Греции, Римом отжатой
у Филиппа, царя македонского, римский глашатай
возвещает свободу греческим городам.
Не влечётся уже никто ни душой, ни взором
к этим играм. Мир устанавливается, за которым
наступают новые войны по свежим ещё следам.

Антиох из Азии помышляет на том же пространстве
потягаться с Римом, и Набис, тиран спартанский,
вероломный союзник, свободу истинную сулит
осчастливленному только что. Вести из дальних провинций
не дают покоя, но освободитель Квинкций
кое-как подлатает, конечно, государственный монолит.

Городов непокорных длится и длится осада...
Далеко ещё до Империи, но семя её распада
в глубине веков прорастает. Убит спартанский тиран.
Археолог неутомимый бродит среди развалин...
Первый шаг младенца известно куда направлен,
а история не исцеляет младенческих травм и ран...

9.

Когда осадой римляне сломили
Фокею и она, врата открыв,
на милость их надеялась, Эмилий
сдержать пытался яростный порыв.

Как странно претор убеждал: мол, грабить
лишь те, что взяты штурмом, города
у них есть право! – алчность их ослабить
не смог такою логикой. Тогда

свободных граждан он созвал на форум,
спас от насилия и вернул закон,
повелевая мародёрским сворам
вернуться в свой казарменный загон.

10.

В Македонской войне столько лучников с Крита
было Риму дано, сколько он запросил
в ходе мобилизации, так сказать, скрытой,
проводившейся для восполнения сил.

Впрочем, консулу всё же признались критяне,
что их лучников больше в Персеевом стане.
— Отозвать их, — ответ был, — суть долг ваш и честь,
коль решили вы с нами союз предпочесть.

И оставили римляне остров в покое —
к перекидчивым лишь они были строги:
те-то — в прошлом союзники, нынче враги —
не могли заслужить снисхождение такое.

11.

Предзнаменования роковые
каждый полководец вновь и вновь
получить боится, как впервые —
как наказ: богам не прекословь!

Сообщают: в храме Аполлона
молнией расколота колонна.
Дождь кровавый шёл средь бела дня:
значит, поджидает западня.

Трёхголовый родился телёнок.
Весть-вердикт корова огласила
Велика божественная сила —
знает каждый римлянин с пелёнок.

Змею с гребнем лунное затмение
вторит, но об этом тем не менее
лучше умолчать — оставить втуне
знаки все, доверившись Фортуне.

Будущего вскроются извилины,
если в книги заглянуть Сивиллины.
Жертвоприношения с молитвой
требуются перед каждой битвой.

Завершать пора войну кровавую...
Уж понтифик с полководцем рядом...
Пусть сенат займётся тщетной славою,
он же — очистительным обрядом.

12.

Как судно затонувшее — моллюски,
Рим облепляли умбры, вольски, герники,
сабины, бойи, бреттии, этруски —

все-все недолговечные соперники.

В междоусобных распрях и разборках
давно аннигилированы, вымерли
те племена несметные, с тех пор как
последнего царя изгнали римляне.

Лишь имена народцев тех в анналах
сохранены историками древними.
Великому народу не до малых –
пространство не спасает их от времени.

Но и величье не даёт защиты:
республика лишь продолжает линию
к империи, а та уже трещит и
проклятья шлёт через века Тарквинию.

13.

При Фермопилах, где когда-то персы
обходом хитрым победили греков,
и Антиох был римлянами так же
позднее обойдён – по той же тропке,
что и герой спартанский Леонид.

У Клио есть свои, должно быть, рифмы –
не хуже стихотворных... Вот недавно
все вспоминали песню о начале
войны, когда с утра бомбили Киев...
Что ж, будем ждать от Клио новых рифм...

14.

Братья Гракхи один за другим полегли,
под раздачу попав за раздачу земли.
Захлебнулась реформа их в хлебной раздаче.
Осчастливить, увы, не успели народ.
Всё пошло в государстве вразнос и вразброд,
и, как ясно теперь, не могло быть иначе.

Среди смуты – война. Марий спешно на юг
устремляется с войском. Югурте – каюк.
Бокх, царёк мавританский, сдаёт его Сулле.
Тот же в Рим вводит армию верных солдат.
На востоке меж тем обнаглел Митридат.
Ветры геополитики смуту задули.

Олигархия в Сулле опору нашла.
До чего же история эта пошла
и банальна! Листаешь страницы, тупея,
будто смотришь и смотришь в окно что ни день
на постылый пейзаж, где всё та ж мутотень

с демократией Цезаря или Помпея.

Государство в опасности с разных сторон.
Катилину уже обличил Цицерон.
Оппозиция будет разгромлена снова,
и опять полетят чьи-то головы с плеч,
а Катон удалится в свой дом, чтоб на меч
там и броситься – вместо последнего слова.

15.

Диктатор дик. Та торная тропа,
что в щебень превращает черепа,
под свод законов, выстроенный в Риме,
ведёт и там находит это имя.
Там должность, закреплённая за ним,
должна была обезопасить Рим
в каких-то обстоятельствах особых,
то к славе и триумфу, то под обух
идти ему вменяя. Там Камилл
однажды стал согражданам немил
и был судом несправедливым изгнан,
но позже вновь на ту же должность призван.
Там Луций Манлий, гвоздь священный вбив,
пост удержать хотел, властолюбив,
чей сын за то, что ум был полон хлябей,
им выслан был из Рима. Там Квинт Фабий
спасением от всех угроз и бед
считал богам исполненный обет...
Их было много. Каждый не подолгу
у власти был и действовал по долгу.
Иные назначались и не раз,
но разум вряд ли кто из них потряс...
Две тыщи лет диктаторские тучи
сгущались. Вот уже над Римом дуче.
А что сказать о тех, кто превзошёл
и этого масштабом худших зол?
Кого же римской соблазнит коврижкой
ничтожество с имперскою отрыжкой?
Но чаплинский диктатор не у всех
сегодня вызывает дикий смех.
Смеяться над пародией паяца
куда труднее стало, чем бояться.
Так слово с новым смыслом, как топор,
над миром и висит с недавних пор,
диктуя внятно свой диктант убойный:
попранье всех прав, террор и войны.

16.

Философия лечит, считал Марк Аврелий.
Учит тоже, конечно, но только того,

кто гармонии внимлет божественных трелей,
человечье настроив по ним естество.

Погружён в размышления эти благие,
император хороший – и кормчий, и врач,
и, спасения ради в волнах ностальгии,
он в себе оба поприща должен сопрячь.

...Что безумный затворник со статуи конной
проповедовал? Что нам напомнить хотел
режиссёр? О природе ли нашей исконной?
И что мир этот суетен и пустотел?

Что, огнём поражённые тайным, ослепли
и не видим того, что проявлено им?
Что останутся кости одни только в пепле,
из которых мы, в сущности, и состоим?

Прокричал и увёл себя в ночь без вопросов
не занёсший своих размышлений в тетрадь,
и безмолвствовал порфиноносный философ,
что и смерть, и величье умел презирать.

2021-2022